

III.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

БИБЛИОГРАФІЯ.

Записки Льва Николаевича Энгельгардта.—Библиографическій листокъ.

Записки Льва Николаевича Энгельгардта. *Изданіе „Русскаго Архива“.* Съ примѣчаніями и указателемъ. Москва. 1867 г.

Записки покойнаго генераль-маіора Энгельгардта появляются въ печати не въ первый разъ: еще въ 1859 г. онѣ были помѣщены въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ и, кромѣ того, отпечатанны въ небольшомъ числѣ отдѣльныхъ оттисковъ, которые, впрочемъ, въ продажу, кажется, не поступали. Нынѣшнее, второе, изданіе записокъ нѣсколько полнѣе; оно снабжено примѣчаніями и указателемъ собственныхъ именъ, что необходимо при практическомъ употребленіи подобнаго рода книгъ. Записки Энгельгардта хотя и не принадлежатъ къ капитальнымъ явленіямъ въ нашей бѣдной литературѣ мемуаровъ, однако вносятъ любопытный, въ извѣстныхъ отношеніяхъ, матеріалъ въ исторію временъ екатерининскихъ и павловскихъ. Энгельгардтъ не былъ глубокимъ наблюдателемъ причинъ и слѣдствій событій, совершавшихся на его глазахъ; онъ почти не касается вопросовъ

ни внутренней, ни вѣшной политики; онъ только рассказываетъ то, чему былъ свидѣтелемъ въ продолженіе своей 16-лѣтней военной службы, или что слышалъ отъ другихъ, и сообщаетъ частныя интересныя подробности именно о военной службѣ и о дѣятеляхъ на военномъ поприщѣ въ царствованіе Екатерины и Павла. Словомъ, записки его имѣютъ чисто-военный характеръ и потому по праву могутъ занять мѣсто въ библиографической хроникѣ „Военнаго Сборника“.

Древняя дворянская фамилія Энгельгардтовъ распадается на двѣ вѣтви: одна вѣтвь водворилась въ Прибалтійскомъ краѣ, а другая переселилась въ нынѣшнюю Смоленскую губернію еще во времена польскаго владычества и здѣсь совершенно обрусьла. Левъ Николаевичъ происходилъ отъ этой послѣдней вѣтви Энгельгардтовъ. Правдивый и откровенный, онъ не скрываетъ, что получилъ плохое образованіе: до девяти лѣтъ онъ ничему не учился; едва въ два года выучился порядочно читать у дьячка греко-уніятской церкви въ Вчтебскѣ (гдѣ отецъ его былъ воеводою), потомъ учился писать по-русски, первымъ правиламъ ариеметики и по-нѣмецки у одного отставнаго поручика нѣмца, по-французски у іезуитскаго монаха; но „можно сказать“—прибавляетъ онъ—„что отъ таковыхъ учителей мало показывалъ успѣха по тупоумію и лѣности“. И дальнѣйшее умственное образованіе Энгельгардта шло кое-какъ. Одинъ годъ провелъ онъ въ пансіонѣ нѣмца Элрета (въ Смоленскѣ), а нѣмецъ „касательно наукъ былъ малосвѣдущъ, и вся учебная дѣятельность его состояла въ сокращенномъ преподаваніи всѣхъ наукъ, т. е. катихизиса, грамматики, исторіи, географіи, безъ малѣйшаго толкованія, и въ принужденіи учениковъ затверживать наизусть французскія фразы“. За то нѣмецъ „содержалъ пансіонъ въ порядкѣ, на совершенно-военной дисциплинѣ: билъ (учениковъ), безъ всякой пощады, за малѣйшія вины, ферулами изъ подошвенной кожи и деревянными лопатками по рукамъ, сѣкалъ розгами и плетью, ставилъ на колѣни на три и на четыре часа...“ Изъ такого-то учебно-воспитательнаго заведенія Энгельгардтъ, по собственному признанію, вышелъ выправленнымъ физически, исправленнымъ нравственно (въ томъ смыслѣ, что суровый нѣмецъ переломилъ его строптивый нравъ), умѣющимъ танцовать, фехтовать, говорящимъ изрядно по-французски и о всѣхъ наукахъ“. „Но—прибавляетъ онъ—я говорилъ какъ попугай, ни-

чего не понимая, и потому вскорѣ все забыть.“ Еще годъ пробылъ Энгельгардтъ въ шкловскомъ училищѣ, основанномъ Зоричемъ, поучился затѣмъ практической геометріи и геодезіи у оберъ-квартирмейстера Щелина, и тѣмъ кончились, на 15 году жизни, его воспитаніе и образованіе. Такъ точно оканчивали свое воспитаніе и образованіе и всѣ тогдашніе молодые дворяне, имѣвшіе мало-мальски обезпеченное состояніе и связи съ вліятельными лицами, и поступали прямо на службу офицерами въ армію.

Диковинныя вещи рассказываетъ Энгельгардтъ о Зоричѣ и о жизни этого серба въ Шкловѣ. Зоричъ не больше года „былъ въ случаѣ“, какъ выражались въ екатерининское время, и „по выбитіи изъ случая“, имѣя уже генераль-маіорскій чинъ (до „случая“ онъ служилъ маіоромъ въ одномъ гусарскомъ полку), получилъ въ даръ отъ императрицы мѣстечко Шкловъ (въ Могилевской губерніи), *съ тринадцатью тысячами душъ*. Къ чести Зорича надобно сказать, что, на первый разъ, онъ сдѣлалъ благое употребленіе изъ своего богатства: онъ основалъ въ Шкловѣ на триста человѣкъ училище, которому государыня дала привилегію выпускать воспитанниковъ въ армію офицерами, по экзамену. Впослѣдствіи шкловское училище было переименовано въ кадетскій корпусъ, поступило, по смерти Зорича, въ казенное вѣдомство, переведено сначала въ Смоленскъ, потомъ въ Гродно, въ Кострому (въ 1812 г.) и наконецъ въ Москву, гдѣ существуетъ и понынѣ преобразованнымъ въ первую военную гимназію. По словамъ Энгельгардта, не было въ дѣлой Россіи барина, который бы жилъ такъ размахисто, какъ жилъ Зоричъ въ Шкловѣ. Это жидовское мѣстечко служило тогда сборнымъ мѣстомъ людей всякаго рода, званія и всѣхъ націй: родственники Зорича, отставные штабъ и оберъ-офицеры, прежніе его сослуживцы въ гусарскомъ полку, жили здѣсь на его полномъ содержаніи; игроки, авантюристы, французы, итальянцы, нѣмцы, сербы, греки, молдаване, турки, всѣ находили здѣсь пріютъ, для всѣхъ былъ готовъ открытый столъ у радушнаго хозяина. Ко дню именинъ Зорича (1-го сентября) и на ярмарки, бывавшія въ Шкловѣ два раза въ годъ, гости съѣзжались не только изъ окрестностей, но изъ Петербурга, изъ Москвы, изъ отдаленныхъ внутреннихъ губерній, единственно для того, чтобы повеселиться, и тогда празднества продолжались недѣли по двѣ и болѣе.

Балы, маскарады, спектакли, карусели, фейерверки, военные эволюціи, производимыя кадетами, тянулись длинною вереницею для потѣхи гостей.

Когда императрица Екатерина посѣтила недавно возвращенный Вѣлорусскій край, Зоричъ къ прїѣзду ея построилъ въ Шкловъ огромный, богато-убранный домъ, выписалъ изъ Саксоніи фарфоровый сервизъ, стоившій болѣе *шестидесяти тысячъ рублей*, и послѣ ужина съегъ фейерверкъ, надъ которымъ нѣсколько мѣсяцевъ работалъ артилеріи-генераль-маіоръ Мелисина и павильонъ котораго состоялъ изъ *пятидесяти тысячъ* ракетъ.

Но Шкловъ имѣлъ и другаго рода печальную извѣстность: онъ былъ такимъ завѣдомымъ притономъ множества бродягъ, что если приходилось отыскивать какого-нибудь опаснаго пройдоху, то императрица приказывала поискать такового въ Шкловъ. Здѣсь, между прочимъ, нашли одного якобинца, который, въ 1792 г., подъ именемъ графа Монтегю и эмигранта, поступилъ въ нашъ черноморскій флотъ съ тѣмъ, чтобы съечь его. Здѣсь же два брата далматинца, Зановичи, титуловавшіе себя графами, основали фабрику фальшивыхъ асигнацій...

По тогдашнему обычаю, Энгельгардтъ, имѣя 11 лѣтъ отъ роду, былъ записанъ сержантомъ въ гарнизонъ, потомъ кадетомъ въ вербованный Вѣлорусскій гусарскій полкъ и наконецъ въ гвардію въ Преображенскій полкъ сержантомъ, въ число служащихъ (а не недорослей), куда и явился на дѣйствительную службу въ 1783 году 17-лѣтнимъ юношею. За высокой ростъ и красивую наружность его скоро перевели въ „уборные“. Такъ назывались тѣ гвардейскіе сержанты, которые стояли по-двое на часахъ передъ кавалергардскою залой, куда имѣли право входить только до капитана; но въ дворянскомъ мундирѣ былъ допускаемъ въ эту залу всякій офицеръ, какого бы чина онъ ни былъ, даже унтеръ офицеръ изъ дворянъ. Дальше была тронная зала, у дверей которой стояли два кавалергарда. Сюда имѣли право входа даже не всѣ генераль-поручики и тайные совѣтники, а только получившіе особое разрѣшеніе. Энгельгардтъ не долго, впрочемъ, оставался въ „уборныхъ“: князь Потемкинъ, которому онъ приходился сродни, взялъ его къ себѣ сначала въ ординарцы, а потомъ въ адъютанты, которыхъ у свѣтлѣйшаго было, въ это время (въ 1783 г.), пять: одинъ штабъ-офицерскаго чина (преміеръ-маіоръ,

называвшийся генеральсь-адъютантомъ), два капитана (именовавшихся флигель-адъютантами), по званію вице-президента военной коллегіи, и еще два адъютанта по званію шефа екатеринославской конницы. Потемкинскіе адъютанты имѣли право носить всѣ армейскіе мундиры, кромѣ артилерійскаго, а адъютанты другихъ генераловъ мундиры лишь тѣхъ войскъ, какія были подъ начальствомъ ихъ генераловъ.

Какъ адъютантъ свѣтлѣйшаго, Энгельгардтъ, конечно, много рассказываетъ о своемъ высокомъ начальникѣ, и если не всѣ изъ его рассказовъ отличаются новизною, то нѣкоторые прибавляютъ нѣсколько пояснительныхъ чертъ къ характеристикѣ этого знаменательнаго русскаго дѣятеля. При самомъ вступленіи своемъ въ адъютантскую должность, Энгельгардтъ былъ свидѣтелемъ минутной немилости Потемкина у императрицы вслѣдствіе наговоровъ княгини Дашковой и Ланскаго, находившагося тогда „въ случаѣ“. Потемкинъ уже собрался ѣхать за границу, но, проснувшись однажды, увидѣлъ на столѣ, у кровати, пакетъ, присланный отъ императрицы. Прочитавъ бумагу, князь закричалъ: „Попова!“ (правитель его канцеляріи.) — „Я, бывши тогда дежурнымъ“ — рассказываетъ Энгельгардтъ — „позвалъ Попова. Князь подалъ ему бумагу и сказалъ: „читай!“ То былъ указъ о пожалованіи князя президентомъ военной коллегіи, то есть фельдмаршаломъ. Василій Степановичъ Поповъ, тогда бывший подполковникомъ, выбѣжалъ въ комнату передъ спальнею и съ восторгомъ сказалъ: „идите поздравлять князя фельдмаршаломъ.“ Я на тотъ разъ одинъ только и былъ; вошелъ въ спальню, поздравилъ его свѣтлость. Онъ всталъ съ постели, надѣлъ мундирную шинель, повязалъ на шею шелковый розовый платокъ и пошелъ къ императрицѣ (такъ онъ хаживалъ къ ней по утрамъ).“

Объ эксцентрическихъ выходкахъ, объ удивительныхъ затѣяхъ и о сибаритизмѣ Потемкина писано было много и прежде Энгельгардта; но въ запискахъ Энгельгардта эти черты свѣтлѣйшаго выдаются тѣмъ рѣзче, что „великодушный князь Тавриды“ оставался имъ вѣренъ и въ боевомъ станѣ, когда былъ назначенъ главнокомандующимъ второю екатеринославскою арміею, долженствовавшей дѣйствовать противъ Очакова, а затѣмъ, по удаленіи Румянцева, и всѣми войсками. Паралель, проводимая Энгельгардтомъ между главными квартирами двухъ фельдмаршаловъ, Задувайскаго и Таврическаго, въ Яссахъ, особенно

любопытна по рѣзкому контрасту взглядовъ того и другаго на требованія и условія военной службы. На сколько Румянцевъ, несмотря на свои лѣта, былъ дѣятеленъ, ласковъ, всѣмъ доступенъ, неприхотливъ, на столько Потемкинъ проявлялъ противоположныя качества. Въ Яссахъ Потемкинъ жилъ такъ же, какъ и въ Петербургѣ. Всякаго рода праздники, балы, театральныя представленія, хоръ музыки, инструментальной, роговой и вокальной, изъ трехсотъ человѣкъ потѣшали скучавшаго барина. Знаменитый въ то время композиторъ Сартти, всегда сопутствовавшій князю, положилъ на музыку побѣдную пѣснь: *Тебѣ Бога хвалимъ*, и къ этой музыкѣ была прилажена батарея изъ десяти пушекъ, которая стрѣляла въ тактъ; когда же пѣли: *святъ! святъ!* тогда изъ орудій производилась скорострѣльная пальба. Въ бытность свою въ Яссахъ, Потемкинъ получилъ отъ управлявшаго малороссійскими губерніями генерала Кречетникова донесеніе, будто шведскій флотъ, угрожавшій Петербургу, сдался. Свѣтлѣйшій не только приказалъ праздновать эту мнимую побѣду во всей арміи, но отправилъ къ австрійскому императору курьера съ столь радостнымъ извѣстіемъ. Спустя нѣсколько дней, Кречетниковъ прислалъ извиненіе, что по слухамъ донесъ ложно. Потемкинъ получилъ эту депешу во время обѣда и сталъ бранить Кречетникова; сидѣвшій же возлѣ него генералъ-поручикъ князь Долгоруковъ началъ защищать Кречетникова за невольную ошибку изъ усердія. Защитнику Кречетникова выходка его не прошла даромъ: на немъ тяжело обрушился гнѣвъ свѣтлѣйшаго.... За то княгиня Долгоруковой „его свѣтлость большія дѣлалъ угожденія“, прибавляетъ Энгельгардтъ. Противъ Бендеръ, за Днѣстромъ, построена была землянка, поддерживаемая колоннами, убранная бархатными диванами и всѣмъ, что только роскошь могла выдумать. Къ великолѣпной подземельной залѣ примыкалъ будуаръ, въ который имѣли право входить только приглашенные княземъ. Вокругъ этой-то землянки свѣтлѣйшій приказалъ однажды выстроиться кареемъ полкамъ Екатеринбургскому и конно-гренадерскому, имѣя ружья заряженныя холостыми патронами и въ сумахъ по сорока патроновъ на человѣка. Вблизи каре поставлена была батарея изъ *ста* пушекъ и собраны барабанщики отъ обоихъ полковъ. Потемкинъ вышелъ изъ землянки съ кубкомъ вина, и по данному знаку полки и батарея произвели батальный огонь.... Тѣмъ и кончился праздникъ, данный въ землянкѣ въ честь кра-

савицы-княгини. Въ другой разъ княгиня сказала, что любитъ цыганскую пляску. Свѣтлѣйшій, узнавъ, что два брата Кузьмины, служившіе въ конной гвардіи вахмистрами и переведенные ротмистрами въ кавказскій корпусъ, мастера плясать поцыгански, *послалъ за ними на Кавказъ*. Когда ротмистровъ привезли, то одного изъ нихъ нарядили цыганомъ, а другаго цыганкою, и на балѣ княгинѣ сдѣланъ былъ сюрпризъ.... Братья Кузьмины проплясали затѣмъ еще недѣли съ двѣ и были отпущены въ свои полки....

А въ то время, когда въ Бендерахъ праздновали и веселились, Суворовъ бралъ штурмомъ Измаиль....

Энгельгардтъ ничего не говоритъ о непріязненныхъ отношеніяхъ между Румянцевымъ и Потемкинымъ, хотя ему, какъ баталіонному командиру, служившему въ дѣйствующей арміи, не могли быть неизвѣстны подробности столкновенія задунайскаго героя съ могущественнымъ временщикомъ. Онъ упоминаетъ только какъ бы мимоходомъ, что, вскорѣ послѣ взятія Очакова, фельдмаршалъ просилъ у императрицы увольненія отъ командованія арміей, по *преклоннымъ лѣтамъ и болѣзнямъ*, хотя изъ самыхъ „Записокъ“ видно, что Румянцевъ, несмотря на свои 64 года, велъ такую дѣятельную жизнь и въ главной квартирѣ, и на походѣ, которая вовсе не обличала его старческаго ослабленія и какихъ-либо особенныхъ недуговъ. Послѣ пріѣзда своего въ Яссы, Потемкинъ только одинъ разъ былъ у Румянцева въ Жижиѣ, и лишь изрѣдка посылалъ къ нему съ привѣтствіемъ дежурнаго генерала, своего племянника В. В. Энгельгардта. „Остальные генералы“ — прибавляетъ Л. Н. Энгельгардтъ — „изъ подлости и раболѣпства рѣдко посѣщали графа, да и то самое малое число.“ Только Суворовъ, послѣ всякаго своего дѣла и движенія, посылалъ курьера съ донесеніемъ и къ Румянцеву, такъ какъ бы онъ еще командовалъ арміей.

Все, что Энгельгардтъ, какъ современникъ и очевидецъ, сообщаетъ о Задунайскомъ, свидѣтельствуетъ, какою громадною популярностію пользовался Румянцевъ въ войскахъ. На другой день по прибытіи, съ главною квартирою, въ Могилевъ-на-Днѣстрѣ, въ окрестностяхъ котораго собралась украинская армія, готовясь перейти границу, фельдмаршалъ приказалъ войскамъ главнаго корпуса быть во фронтъ безъ ружей и пріѣхалъ смотрѣть ихъ. „Всѣ были, при появленіи его, въ восхищеніи; ни одного не оставилъ онъ штабъ-офицера, которому бы не ска-

залъ что-нибудь пріятное. Какъ^м скоро сказалъ солдатамъ: „здравствуйте, ребята!“ всѣ въ голосъ закричали: „здравствуй, нашъ батюшка, графъ Петръ Александровичъ!“ Старые солдаты говорили: „насилу мы тебя, нашего отца, увидѣли.“—Посѣдѣлый унтеръ-офицеръ, обвѣшанный медалями, сказалъ фельдмаршалу: „вотъ уже, батюшка, въ третью войну иду съ тобою“. — „Ну, другъ мой“—отвѣчалъ графъ— „въ четвертый разъ мы вмѣстѣ съ тобою уже воевать не будемъ.“

На походѣ Румянцевъ, невзирая ни на какую погоду, ѣхалъ при главномъ корпусѣ верхомъ, въ одномъ мундирѣ, до половины марша; затѣмъ приказывалъ дѣлать привалъ на часъ времени, а самъ, со своимъ штабомъ, увѣзжалъ впередъ осматрѣть расположеніе лагеря; если мѣстность была неудобна, то приказывалъ переносить лагерь, ѣздилъ въ авангардъ, осматривалъ „отвѣзжіе“ пикеты и распорядился посылкою партій. „Случалось“—говоритъ Энгельгардтъ— „что мы, пришедъ въ лагерь, отдохнули, а онъ только-что пріѣзжалъ.“ Нерѣдко, во время марша, фельдмаршалъ приближался къ полкамъ и не дозволялъ, чтобы офицеры сходили съ лошадей; ибо, по тогдашнему порядку службы, когда войска выступали въ походъ, то, кромѣ дежурныхъ при полку одного капитана и при каждомъ баталіонѣ по одному офицеру, всѣ прочіе офицеры могли ѣхать верхомъ подлѣ своего взвода.“ Солдаты, по собственному желанію, пѣли пѣсни, и лишь только фельдмаршалъ подъѣзжалъ, то обыкновенно затягивали пѣсню, сложенную въ честь его, напримѣръ: „Ахъ ты, нашъ батюшка, графъ Румянцевъ генералъ“, и т. д. Пѣсенники получали иногда червонца по два, были ободряемы нѣсколькими ласковыми словами; съ штабъ и оберъ-офицерами фельдмаршалъ также вступалъ въ разговоры. „Словомъ, пріятливостію своею привлекалъ къ себѣ всѣхъ души и сердца“, прибавляетъ Энгельгардтъ.

Послѣ смерти Потемкина, Энгельгардтъ, любопытствуя знать мнѣніе солдатъ объ обоихъ фельдмаршалахъ, вступилъ въ разговоръ съ гренадерами стараго Екатеринославскаго полка. Между прочимъ, онъ спросилъ: — „Скажите, ребята, вы были 3-го гренадерскаго полка, всегда находились при главной квартирѣ славнаго нашего фельдмаршала Румянцева и были его любимымъ полкомъ; потомъ вашъ полкъ былъ всегда при покойномъ свѣтлѣйшемъ князѣ и также его любимымъ. Теперь одинъ изъ фельдмаршаловъ умеръ, а другой такъ старъ, что,

конечно, уже никогда не будетъ командовать арміей: кого же изъ нихъ вы больше любите?“—Одинъ гренадеръ отвѣчалъ:— „Покійный его свѣтлость былъ намъ отецъ, облегчилъ нашу службу, довольствовалъ насъ всѣми потребностями; мы были избалованныя его дѣти; не будемъ мы имѣть подобнаго ему командира; дай Богъ ему вѣчную память!...“ Гренадеръ прослезился; но вдругъ глаза его оживились, онъ приосамился и сказалъ:— „А при батюшкѣ нашемъ, графъ Петръ Александровичъ, хотя и жутко намъ было (т. е. относительно соблюденія строгой дисциплины), но служба была веселая.... Молодецъ онъ былъ, и какъ, бывало, взглянетъ, то словно рублемъ подарить, и оживлялъ онъ насъ особымъ духомъ храбрости.“

Эта современная солдатская оцѣнка давно обратилась въ историческую истину.

Воспоминанія Энгельгардта о турецкой войнѣ состоятъ болѣею частію изъ анекдотическихъ подробностей, касающихся главныхъ и второстепенныхъ въ ней дѣйствователей, и это самая интересная часть записокъ; замѣтки же его о военныхъ дѣйствіяхъ, даже и тѣхъ, въ которыхъ онъ принималъ участіе, поверхностны, иногда неясны, а иногда и непослѣдовательны. Причина та, что Энгельгардтъ, въ то время двадцати-двухлѣтній молодой человѣкъ, принялся писать свои мемуары спустя почти сорокъ лѣтъ, когда, по собственному его признанію, „многое интересное было забыто, а что и вспомнилъ, то уже не такъ вѣрно, какъ должно бѣ было быть въ связи съ теченіемъ времени“.

Воспоминанія о польской войнѣ отличаются такимъ же характеромъ. И здѣсь бѣглые очерки дѣятелей да нѣкоторыя частности составляютъ главный интересъ. Какъ живо обрисовываетъ тогдашнее время слѣдующій, напримѣръ, случай, рассказываемый Энгельгардтомъ. Когда молдавская армія Каховскаго вступила въ предѣлы Польши, графъ Марковъ, командуя авангардомъ, такъ далеко отдѣлился отъ главныхъ силъ, что едва не былъ разбитъ Костюшкою у Мурахвы; спасеніемъ своимъ онъ былъ обязанъ ошибкѣ Костюшки, принявшаго подходившій изъ-за горы, среди облаковъ пыли, обозъ авангарда за всю армію, вслѣдствіе чего Костюшко отступилъ. „За сію мнимую побѣду“—говоритъ Энгельгардтъ— „графъ Марковъ и всѣ съ нимъ бывшіе осыпаны награжденіями, вмѣсто того, чтобы за само-

вольное отдѣленіе на большое разстояніе отъ арміи (чѣмъ подвергали весь авангардъ опасности истребленія) быть отданными подъ военный судъ. Но тутъ былъ братъ фаворита (графъ Валеріанъ Зубовъ), молодой человекъ съ пылкимъ желаніемъ отличиться: вотъ и вся побѣда! Къ характеристикѣ барона Игельстрема, назначеннаго вмѣсто Каховскаго, можетъ послужить слѣдующій анекдотъ. Лѣтомъ 1793 года происходили подъ Варшавою маневры нашихъ войскъ. Игельстромъ пригласилъ однажды всѣхъ иностранныхъ посланниковъ, знатныхъ чужеземцевъ и польскихъ магнатовъ на одни изъ этихъ маневровъ, состоявшіе въ томъ, что генераль-маіоръ Тищевъ (артиллеристъ) занялъ съ артилеріей гору, которую атаковалъ самъ главнокомандующій. По отступленіи Тищева, войска заняли оставленную имъ позицію, на которой были раскинуты палатки и приготовленъ обѣденный столъ для всѣхъ приглашенныхъ Игельстромомъ гостей, также для генераловъ и штабъ-офицеровъ. Подъ кувертомъ самого хозяина и у многихъ другихъ оказались стихи, сущность содержанія которыхъ заключалась въ вопросѣ и отвѣтѣ: „Знаете ли, отчего генераль Игельстромъ такъ веселъ?... Оттого, что онъ въ своей жизни первую выигралъ баталію!“... Игельстромъ, дѣйствительно, никогда не выигрывалъ ни одного сраженія. Тотъ же Игельстромъ, назначенный, вмѣсто графа Сиверса, чрезвычайнымъ посломъ при польской республикѣ, былъ, по свидѣтельству Энгельгардта, подтверждаемому и другими современниками, главнымъ виновникомъ развитія заговора между поляками: усыпленный ласками новой Далилы, графини Залуской, онъ ничего не зналъ о коварныхъ умыслахъ поляковъ.

Свѣдѣнія, сообщаемыя Энгельгардтомъ о событіяхъ въ Варшавѣ и о послѣдовавшихъ затѣмъ военныхъ дѣйствіяхъ, не имѣютъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ частныхъ, особаго интереса послѣ всего того, что уже было писано объ этой кампаніи. Даже о штурмѣ Праги, въ которомъ Энгельгардтъ участвовалъ, упоминается въ запискахъ коротко. О Суворовѣ Энгельгардту тоже нечего было сказать что-либо новое. Можно отмѣтить развѣ только слѣдующія данныя. Повторяя известныя факты, что Суворовъ принималъ на себя блажь только въ присутствіи нѣсколькихъ человекъ и что съ глазу на глазъ съ кѣмъ-нибудь онъ становился серьезнымъ, говорилъ красногубиво, обнаруживалъ глубокий, многосторонне-образованный

умъ и необыкновенную мѣткость въ сужденіяхъ, Энгельгардтъ приводитъ слова, сказанныя нашимъ великимъ полководцемъ: одному изъ его пріятелей: „*Pour parvenir, mon ami, il faut avoir la patience d'un coq*“ (*). Затѣмъ Энгельгардтъ, указывая на обычай Суворова окружать себя людьми простыми, которые не могли бы разгадать его, прибавляетъ, что именно отъ этихъ-то людей и зависѣла участь служившихъ подъ начальствомъ Суворова и что для полученія награды за дѣйствительныя заслуги надобно было заискивать „съ низостию“ покровительства Куриса, Мандрыкина и другихъ, подобныхъ имъ, приближенныхъ къ графу, лицъ. Многія странности Суворова могли казаться необъяснимыми современникамъ, могли даже набросить тѣнь на славнаго мужа, если ихъ понимали въ прямомъ смыслѣ. Во время пражскаго штурма Суворовъ закричалъ: „И я возьму ружье со штыкомъ!“— „Нѣтъ, ваше сіятельство, не пустимъ васъ“, возразили приближенные къ нему и ухватились кто за узду лошади, кто за руку и полы мундира, тогда какъ Суворовъ и шагу не думалъ дѣлать впередъ, хотя и показывалъ видъ будто вырывался и кричалъ: „труссы! труссы! пустите меня!...“ Поручикъ Оленинъ, прямо изъ кадетскаго корпуса поступившій въ свиту Суворова и, по простотѣ своей, думая сдѣлать ему угодное, сказалъ: „Извольте, ваше сіятельство, я васъ проведу на возвышенное мѣсто, откуда вы изволите усмотрѣть весь штурмъ“.— Суворовъ расцѣловалъ молодого офицера и воскликнулъ: — „Вотъ одинъ только герой, а вы всѣ труссы!“ Впослѣдствіи оказалось, что всѣ тѣ, которые его не пускали, были награждены, а поручикъ Оленинъ не только не получилъ ничего, но былъ отправленъ въ полкъ. Современниковъ и очевидцевъ изумляла выходка безстрашнаго въ бояхъ героя, когда онъ показывалъ видъ, будто бросался въ пылъ сраженія, и, если никто его не удерживалъ, вдругъ останавливался, слѣзалъ съ лошади и, поправляя свою обувь, приговаривалъ: „охъ, онуча жметъ ногу!“ (Суворовъ, вмѣсто чулокъ, обертывалъ ноги тонкимъ полотномъ.)

Иныя проказы Суворова казались оскорбительными тѣмъ, къ кому онъ примѣнялъ ихъ. Въ Варшавѣ Энгельгардтъ долженъ былъ обѣдать у графа. Передъ обѣдомъ, сержантъ гвар-

(*) „Чтобы выйти въ люди (или достигнуть чего-нибудь), надобно имѣть терпѣніе обманутаго мужа.“

дѣи разносилъ водку по старшинству чиновъ и у лицъ одного и того же чина спрашивалъ, съ котораго года и мѣсяца состоятъ въ чинѣ. Съ такимъ вопросомъ обратился сержантъ и къ молодому штабъ-офицеру, въ первый разъ бывшему у графа. Энгельгардтъ, отвѣтивъ, сколько лѣтъ состоитъ въ чинѣ подполковника, усмѣхнулся. За столомъ ему пришлось сидѣть наискось противъ Суворова. Вдругъ Суворовъ вскочилъ, закричалъ: „воняетъ!“ и ушелъ въ другую комнату. Адъютанты начали открывать окошки и доложили, что „дурной запахъ прошелъ“. „Нѣтъ!—кричалъ Суворовъ—за столомъ вонючка!“ Тогда адъютанты стали обходить всѣхъ сидѣвшихъ и обнюхивать. Одинъ изъ нихъ, подойдя къ Энгельгардту, сказалъ: „Вѣрно, у васъ сапоги не чисты; извольте выйти: графъ не войдетъ, пока вы не встанете и не прикажете себѣ сапоги вычистить.... Тогда опять можете сѣсть за столъ“. — „Представьте мое смущеніе!“—восклицаетъ Энгельгардтъ — „однакожь дѣлать было нечего: я всталъ и сказалъ адъютанту: „доложите графу: я вижу, моя физиономія ему не понравилась, и какъ бы мнѣ ни было пріятно обратить на себя благосклонное его вниманіе, но я къ нему болѣе не явлюсь“.

При вступленіи на престолъ императора Павла, Энгельгардтъ служилъ въ Оренбургскомъ краѣ баталіоннымъ командиромъ Уфимскаго пѣхотнаго полка. Крутыя военныя реформы, предпринятыя новымъ государемъ, необыкновенная строгость его относительно всѣхъ военнотружущихъ крѣпко заставили призадуматься екатерининскихъ воиновъ, даже такихъ опытныхъ и обстрѣленныхъ въ бояхъ служака, какимъ былъ Энгельгардтъ, выдавшій виды при штурмахъ Очакова и Праги. Надобно было учиться новымъ порядкамъ у гатчинскихъ офицеровъ и обучать солдатъ по новому уставу. Малѣйшая неисправность на императорскомъ смотру грозила не арестомъ (аресты, по выраженію Энгельгардта, считались тогда за ничто), а исключеніемъ изъ службы и даже еще худшимъ. Такъ неудивительно, что намѣреніе императора произвести подъ Казанью *ревю* всѣмъ полкамъ оренбургскаго корпуса (или инспекціи, на которыя раздѣлены были Павломъ военныя силы Россіи) не на шутку переполошило всѣхъ, отъ генерала до солдата. Въ іюнѣ 1798 года императоръ Павелъ прибылъ въ Казань съ великими князьями Александромъ и Константиномъ и приказалъ, чтобы каждый полкъ вступалъ въ городъ от-

дѣльно, въ разные часы. Энгельгардтъ признается, что и онъ, и всѣ его сослуживцы шли съ трепетомъ, и прибавляетъ: „я болѣе ужасался, чѣмъ идя на штурмъ Праги.... Государь былъ у самой заставы. Передо мною шелъ баталіонъ шефскій, который перемѣнилъ ногу; я тотчасъ перемѣнилъ также свою, чтобъ маршировать согласно съ предъидущимъ баталіономъ. За мною шелъ сверхкомплектный подполковникъ князь Ураковъ, который пооробѣлъ и, не замѣтивъ, что я перемѣнилъ ногу, шелъ попрежнему. Государь сказалъ: „Господа штабъ-офицеры, не въ ногу идете“. Я, видя, что иду въ ногу шефскаго баталіона вѣрно, тѣмъ же шагомъ продолжалъ. Тогда государь гнѣвно закричалъ: „Полковникъ Энгельгардтъ не въ ногу идетъ!“ Увидѣвши ошибку моего подполковника, оправдываться было не время. Когда весь полкъ прошелъ, ударили подъ знамена; я скомандовалъ: съ поля! Надобно объяснить, что дѣлалось это на маршѣ по тремъ фангельмавамъ въ четырнадцатъ приѣмовъ и оканчивалось тѣмъ, что ружья обертывались внизъ дуломъ, а прикладами вверхъ, что было чрезвычайно трудно. Императоръ увидѣлъ, что баталіонъ исправно сіе сдѣлалъ“.

Послѣ ученья, на которомъ стрѣляли на мѣстѣ и маршируя плутонами, полудивизионами и дивизионами, императоръ такъ остался доволенъ баталіономъ Энгельгардта, что, подойдя сзади, положилъ руку на его плечо и, пожимая, спросилъ: „Скажи, гдѣ ты выпекся? только ты мастеръ своего дѣла“. Въ тотъ же день Энгельгардтъ получилъ приглашеніе къ императорскому столу. „Изъ какихъ ты Энгельгардтовъ, лифляндскихъ или смоленскихъ?“ спросилъ его императоръ. „Изъ смоленскихъ, ваше величество“. — „Знаю ли я кого изъ твоихъ родныхъ?“ — „Когда ваше величество въ 1781 году изволили проѣзжать черезъ Могилевъ, отецъ мой былъ тогда тамъ губернаторомъ“. — „А помню!... Ты гдѣ началъ служить?“ — „Въ гвардіи“. — „То есть по обыкновенію всѣхъ васъ, тунеядцевъ-дворянъ.... А тамъ какъ?“ — Энгельгардтъ хотѣлъ умолчать, что былъ адъютантомъ у Потемкина, и отвѣчалъ: „А потомъ въ арміи.“ — „Да какъ?“ — „Взятъ былъ въ адъютанты къ князю Потемкину....“ — „Тѣбу, въ какіе ты попалъ знатные люди!... Да какъ ты не сдѣлался негоднемъ, какъ всѣ при немъ бывшіе? Видно, много въ тебѣ добраго, что ты уцѣлѣлъ и сталъ мнѣ хорошимъ слугой.“

Въ слѣдующемъ (1799) году Энгельгардтъ былъ произведенъ въ генераль-маіоры, назначенъ шефомъ Уфимскаго полка и получилъ командорство ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, съ тысячею рублями годоваго дохода. „Служа въ турецкую войну и противъ поляковъ усердно и ревностно“—замѣчаетъ онъ по поводу столь неожиданныхъ милостей—„былъ я въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, лица отъ непріятеля не отворачивалъ и почти ничего не получилъ....“

Энгельгардтъ подтверждаетъ свидѣтельство другихъ современниковъ о томъ, что императоръ Павелъ хотя и былъ ужасенъ въ гнѣвѣ, но отнюдь не злопамятенъ, умѣлъ иногда себя переработать и, въ доказательство его благородства души, приводитъ слѣдующій случай съ графомъ Ланжерономъ, тогда генераль-маіоромъ и шефомъ Уфимскаго полка.—„Ланжеронъ, ты долженъ принять инспекцію (оренбургскую) отъ сумасброднаго старика Игельстрома“, сказалъ императоръ.—„Государь, я не могу“, отвѣчалъ Ланжеронъ. — „Какъ! ты отказываешься отъ моей милости?“ — „Тысячи резоновъ заставляютъ меня отказаться отъ оной: первое, я еще не силенъ въ русскомъ языкѣ.“ Императоръ съ гнѣвомъ отошелъ отъ Ланжерона на другой конецъ комнаты и, позвавъ къ себѣ генераль-адъютанта Нелидова, сказалъ.—„Спроси Ланжерона, какіе остальные резоны заставляютъ его отказаться отъ инспекціи?“ Графъ Ланжеронъ отвѣчалъ: — „Первый и послѣдній: Игельстромъ; мнѣ благодарствовалъ, и я не хочу, чтобы моимъ лицомъ челоуѣку, состарѣвшемуся на службѣ его императорскому величеству, было сдѣлано такое чувствительное огорченіе.“ Не успѣлъ Ланжеронъ сказать это, какъ императоръ „подбѣжавъ къ нему съ фуріей, топнулъ ногой, пыхнулъ и скорыми большими шагами ушелъ въ спальню....“ Всѣ присутствовавшіе оцпенѣли.... — „Ланжеронъ! что ты сдѣлалъ?... Ты пропалъ!“ воскликнулъ казанскій военный губернаторъ Ласси.—„Слово воротить нельзя: ожидаю всякаго несчастія, но не раснаиваюсь; я чрезвычайно уважаю Игельстрома: онъ не разъ дѣлалъ мнѣ добро“, былъ отвѣтъ Ланжерона. Спустя полчаса, императоръ, выйдя изъ спальни, приблизился къ графу и, ударяя его по плечу, сказалъ: — „Langeron, vous êtes un bon enfant; toujours je me souviendrai de votre généreux procédé!...“ (*)

(*) „Ланжеронъ! вы добрый малый, и я никогда не забуду вашего благороднаго поступка.“

Въ годъ своего производства въ генераль-майоры тридцатитрехлѣтній Энгельгардтъ вышелъ въ отставку и оставался безъ службы до самой смерти, послѣдовавшей въ 1836 году. Записки онъ началъ писать въ 1826 году и довелъ ихъ до кончины императора Александра I; но изъ этой половины его мемуаровъ (начиная съ 1801 года) издатель напечаталъ лишь небольшіе отрывки, потому что, переставъ быть дѣйствующимъ лицомъ, Энгельгардтъ писалъ о событіяхъ царствованія Александра по печатнымъ источникамъ и ограничивался преимущественно сухимъ перечнемъ военныхъ дѣйствій. Даже тѣ немногія выдержки, которыя издатель призналъ нужнымъ обнародовать, представляютъ слабый интересъ.

Притомъ съ нѣкоторыми взглядами Энгельгардта нельзя и согласиться, особенно если взять во вниманіе отзывы другихъ современниковъ о царствованіи Александра I. Энгельгардтъ говоритъ, напримѣръ: „Аустерлицкая баталія сдѣлала великое вліяніе надъ характеромъ Александра, и ее можно назвать эпохою въ его правленіи. До того онъ былъ кротокъ, довѣрчивъ, ласковъ, а тогда сдѣлался подозрителенъ, строго до безмѣрности, неприступенъ и не терпѣлъ уже, чтобы кто говорилъ ему правду; въ одному графу Аракчееву имѣлъ полную довѣренность, который, по жестокому своему свойству, приводилъ государя на гнѣвъ и тѣмъ оталекъ отъ него людей, истинно любящихъ его и Россію“. По всѣмъ же другимъ свидѣтельствамъ, перемена въ характерѣ императора Александра I совершилась послѣ окончанія борьбы съ Наполеономъ, когда онъ убѣдился въ неблагодарности, своекорыстїи и эгоизмѣ людей, когда разочаровался въ своихъ благородныхъ мечтахъ о возможности упрочить благоденствіе человѣчества. Да и самъ Энгельгардтъ опровергаетъ себя, говоря о послѣдствіяхъ войны отечественной и 1813—1814 годовъ: „Тогда императоръ былъ во всей своей славѣ: *русскими обожамъ*, въ Европѣ превозносимъ, не только какъ побѣдитель, но какъ величайшій политикъ, великодушный и скромный благотворитель рода человѣческаго; *всѣ несли ему въ дань свои души и сердца*“.

Въ царствованіе императора Александра I Энгельгардтъ только на короткое время явился дѣйствующимъ лицомъ: въ 1806 году казанское дворянство выбрало его въ губернскіе начальники милиціи. Каково было это земское ополченіе, можно судить по тому, что изъ 8,000 казанскихъ милиціонеровъ менѣе

500 человекъ имѣли ружья, да и то разнокалиберныя, охотничьи, безъ штыковъ, замѣненныхъ пиками. Энгельгартъ предложилъ главнокомандующему седьмою областію милиціи, князю Ю. В. Долгорукому, сформировать изъ ратниковъ, по промыслу стрѣлковъ, особые стрѣлковые баталіоны, и когда на это послѣдовало высочайшее соизволеніе, то одинъ такой баталіонъ, имѣ сформированный, былъ отправленъ въ Смоленскъ. Но тамъ стрѣлковъ-ратниковъ обмундировали, дали имъ негодныя солдатскія ружья, стали учить стрѣльбѣ прикладываясь по принятому тогда въ войскахъ способу, и тѣ самые природныя стрѣлки, которые не давали промаха, убивали дробовиками бѣлокъ въ носъ, чтобы не испортить шкурку, разучились стрѣлять мѣтко.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Въ этомъ листкѣ мы будемъ помѣщать указанія на *военныя сочиненія* русскія и наиболѣе замѣчательныя иностранныя. Изъ числа этихъ сочиненій, заслуживающія особаго вниманія будутъ разсматриваться въ библиографическомъ отдѣлѣ. Кромѣ того, въ „Библиографическомъ листкѣ“, мы считаемъ нелишнимъ указать на наиболѣе замѣчательныя *периодическія* русскія и иностранныя военныя изданія, которыя выходятъ въ настоящемъ 1868 году. Разборы журналовъ, попрежнему, будутъ помѣщаться въ библиографическомъ отдѣлѣ „Военнаго Сборника“.

Русскіе военные журналы.

1) *Артилерійскій Журналъ*. 12 книжекъ въ годъ. Подписная цѣна за годовое изданіе журнала 7 р. съ пересылкою и доставкою на домъ.

2) *Военный Сборникъ*. Подписная цѣна за годовое изданіе журнала 6 р., а съ пересылкою и съ доставкою на домъ 6 р. 50 копѣекъ.

3) *Воемно-Медицинскій Журналъ*. 12 книжекъ въ годъ. Цѣна 5 р. 75 к. съ пересылкою; съ прибавленіями 11 р.

4) *Инженерный Журналъ*. 12 книжекъ въ годъ. Цѣна 4. р. 50 к., а съ пересылкою 5 р.

5) *Оружейный Сборник*. 4 книжки въ годъ. Цѣна 6 р., а съ доставкою и съ пересылкою 6 р. 50 к.

6) *Педагогическій Сборникъ*, издаваемый при главноѣ управленіи военно-учебными заведеніями. 12 книжекъ въ годъ. Цѣна 4 р., а съ доставкою и съ пересылкою 5 р.

7) *Русскій Инвалидъ*. Ежедневная газета. Цѣна съ доставкою и съ пересылкою 14 р.

8) *Морской Сборникъ*. 12 книжекъ въ годъ. Цѣна 5 р., съ пересылкою 7 р.

9) *Бронштадтскій Вѣстникъ*. Военно-морская газета. 3 раза въ недѣлю. Цѣна съ пересылкою 5 р.

10) *Досугъ и Дѣло*. Шесть выпусковъ въ годъ, изъ которыхъ каждый состоитъ изъ нѣсколькихъ книжекъ. Цѣна съ доставкою и съ пересылкою 2 р. 50 к.

11) *Солдатская Бесѣда*. 12 книжекъ въ годъ. Цѣна съ доставкою и съ пересылкою 2 р. 50 к.

12) *Чтеніе для Солдатъ*. 6 книжекъ въ годъ. Цѣна 3 р. 10 к. съ доставкою въ Петербургъ и съ пересылкою во всѣ города.

Иностранные военные журналы. (*)

Мы упоминаемъ о журналахъ и газетахъ, считаемыхъ лучшими, и притомъ о наиболѣе распространенныхъ.

а) *На французскомъ языкѣ.*

1) *Journal de l'Armée Belge*. Recueil d'art, d'histoire et de science militaire. 12 книжекъ. Цѣна 5 р., съ пересылкою въ провинцію 5 р. 75 к.

2) *Journal des armes spéciales et de l'Etat-major*, recueil scientifique du génie, de l'artillerie et de topographie militaire. 12 книжекъ. Цѣна 16 р. 75 к., съ пересылкою 17 р. 85 коп.

3) *Journal des Sciences militaires, des armées de terre et de mer*. 12 книжекъ. Цѣна 16 р. 75 к., съ пересылкою 18 р.

4) *Revue militaire*. Musée militaire, scientifique, artistique et littéraire. 24 нумера. Цѣна 4 р. 80 к., съ пересылкою 5 р. 80 к.

(*) Цѣны на журналы выставлены по каталогу книжнаго магазина Я. А. Исакова. Первая цѣна означаетъ стоимость журнала въ С.-Петербургѣ, вторая—съ пересылкою въ провинцію.

5) *Le Spectateur militaire*. Recueil de la science, d'art et d'histoire militaire. 12 книжекъ. Цѣна 14 р., съ пересылкою 15 р. 25 к.

6) *Moniteur de l'armée avec Annuaire*. Военная газета. 52 нумера. Цѣна 8 р. 50 к., съ пересылкою 10 р. 35 к.

б) *На нѣмецкомъ языкѣ.*

1) *Allgemeine Militair-Zeitung*, издаваемый обществомъ германскихъ офицеровъ и военныхъ чиновниковъ. 52 нумера въ годъ. Старѣйшая между военными газетами Германіи. Цѣна 8 р., съ пересылкою 9 р. 55 к.

2) *Archiv für die Offiziere d. Kgl. Preuss. Artillerie-und Ingenieurcorps*. Mit Plaenen. 6 книжекъ. Цѣна 4 р., съ пересылкою 4 р. 70 к.

3) *Militair-Literatur-Zeitung*. 12 тетрадей въ годъ. Цѣна 4 р., съ пересылкою 4 р. 80 к.

4) *Militair-Wochenblatt*. 52 нумера въ годъ. Цѣна 4 р. 80 к., съ пересылкою 5 р. 60 к.

5) *Militair-Zeitung (Oesterreichische)*. Red. Dr. I. Hirtenfeld. 104 нумера въ годъ. Газета эта издается въ Вѣнѣ. Цѣна 8 р., съ пересылкою 9 р. 55 к.

6) *Oesterreichische militairische Zeitschrift*. 12 книжекъ въ годъ. Этотъ журналъ издается въ Вѣнѣ, подъ редакцію г. Штрефлера. Цѣна 9 р. 40 к., съ пересылкою 10 р. 90 к.

в) *На англійскомъ языкѣ.*

1) *Army and Navy Gazette*. Ежедневная. Цѣна 11 р. 70 к., съ пересылкою 14 р.

2) *Army and Navy Journal N. York*. Ежедневная. Цѣна 16 р. 75 к., съ пересылкою 19 р.

3) *Hart's Army List*. 4 книжки, каждыя 3 мѣсяца. Цѣна 20 р., съ пересылкою 22 р.

4) *Navale and Military Gazette*. Ежедневная. Цѣна 11 р. 70 к., съ пересылкою 14 р.

5) *United Service Gazette*. Ежедневная. Цѣна 11 р. 70 к., съ пересылкою 14 р.

6) *United Service Magazine*. (Colburn's). Ежемѣсячный (12 книжекъ). Цѣна 19 р., съ пересылкою 22 р.

г) *На итальянскомъ языкѣ.*

Rivista militare italiana. Raccolta mensile di scienza, arte e storia militari.—Martini Carlo.

Сочиненія на русскомъ языкѣ.

Въ настоящемъ перечнѣ книгъ мы упоминаемъ о книгахъ, вышедшихъ во второй половинѣ прошлаго 1867 года. Военныя книги распределены по отдѣламъ военныхъ наукъ.

а) *Военно-историческія:*

1) *Персидская война 1722 — 1725 годовъ.* (Матеріалы для исторіи царствованія Петра I.) Г. Комаровъ.

2) *Георгій XII, послѣдній царь Грузіи, и присоединеніе ея къ Россіи.* Н. Дубровинъ.

3) *Донцы.* Историческіе очерки военныхъ дѣйствій, біографіи старшинъ прошлаго вѣка, замѣтки изъ современнаго быта и взглядъ на исторію войска Донскаго. 2 части. Мих. Сянюткинъ.

4) *Очерки австро-русской войны въ 1866 году.* Съ картами и съ большимъ планомъ кенигрецкаго сраженія. М. Драгомировъ (при содѣйствіи г. Фельдмана).

5) *Историческій очеркъ народной войны за независимость Греціи* и возстановленіе королевства при вмѣшательствѣ великихъ державъ: Россіи, Англіи и Франціи. Составили Г. Палологъ и М. Сивинисъ.

6) *Война съ Турціею* и разрывъ съ западными державами въ 1853 и 1854 годахъ. Съ планами и картою. — Е. Ковалевскій.

б) *По тактикѣ:*

1) *Курсъ тактики.* М. Драгомировъ. Изданіе 2-е, исправленное, съ пятью планами для рѣшенія тактическихъ задачъ.

2) *Краткое руководство по стрѣлковому образованію частей пѣхоты.* Для нижнихъ чиновъ линейныхъ полковъ, вооруженныхъ кансюльными скорострѣльными 6-линейными винтовками. Составлено при штабѣ Его Высочества инспектора стрѣлковыхъ баталіоновъ.

в) *По военной администраціи:*

1) *Курсъ военной администраціи.* Составленъ капитаномъ Зайцевымъ.

2) *Записки военной администраціи для военных училищ.* Капитанъ Лобко.

3) *Записки начальной военной администраціи для юнкерскихъ училищ.* Изданіе 2-е. Ш.-к. Трубниковъ.

4) *Указатель приказовъ военнаго министра, съ 1859 года по 1-е іюня 1867 года.* Составленъ гвардіи штабсъ-капитаномъ Н. В.

5) *Военно-окружная система въ области артилерійской администраціи.* (Публичные лекціи, читанныя въ Михайловской артилерійской академіи.) Д. В. Шатиловъ.

6) *Полковые суды.* Извлечено изъ уставовъ военно-судебнаго и уголовного судопроизводства. Рассмотрѣно въ главномъ военномъ судномъ управленіи. Г. Бормотовъ и г. Савинковъ.

7) *Сборникъ правилъ, опредѣляющихъ участіе полка въ управленіи правосудія.* Составленъ по военно-судебному уставу, съ дополненіями изъ судебныхъ уставовъ 20-го ноября 1864 г. Уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ изданія 1866 г. и приказовъ военнаго министра. А. Петровъ.

8) *Замѣчанія по учрежденію санитарной части въ прусской арміи, во время войны въ 1866 году.* Г. Нарановичъ.

г) *По военной статистикѣ и географіи:*

1) *Военно-статистическое обозрѣніе Россійской имперіи.* Составилъ А. Макшеевъ, професоръ военной статистики въ академіи генеральнаго штаба.

2) *Военно-статистическій сборникъ на 1868 годъ.* Выпускъ I-й. Великобританія, Франція, Австрія, Пруссія и прочія государства Германіи. Составленъ подъ общею редакціею генеральнаго штаба генераль-маіора Н. Н. Обручева, управляющаго дѣлами военно-ученаго комитета и професора академіи генеральнаго штаба.

3) *Записки всеобщей географіи для юнкерскихъ училищ.* Курсъ младшаго класа. Составилъ штабсъ-капитанъ Пржевальскій, преподаватель варшавскаго пѣхотнаго юнкерскаго училища.

4) *Учебныя записки по статистикѣ.* Курсъ старшаго класа военныхъ училищъ. Э. Вреденъ.

д) *По артилеріи:*

1) *Элементарный курсъ артилеріи.* Часть 1-я. Изданіе 2-е. Г. Шляревичъ.

2) *Записки начальной механики и артилеріи для военныхъ*

училищъ. Курсъ старшаго класса. Составили гг. Верховскій и Анчутинъ

СОЧИНЕНІЯ НА ИНОСТРАННЫХЪ ЯЗЫКАХЪ.

а) Военно-историческія.

1) *Souvenir de la guerre de Crimée 1854 — 1856*. Avec 3 cartes.—Ch. Fay.—Paris.

2) *Turkey and the Crimean war: a narrative of historical events*.—Sir Ad. Slade.—London.

3) *Die Vertheidigung Sebastopols von Ed. v. Tottleben*, in eine kurzen kritischen Aszuge. II Th.—Lehmann.—Berlin.

4) *Der Feldzug in Italien 1859*. Mit fünf Schlachtplänen. Leipzig; Otto Wigand.

5) *Der Krieg zwischen Oesterreich und Preussen im Jahre 1866* und die Strategische Kritik desselben. Von Josef v. Dobay.—Pest.

6) *Der deutsche Krieg im Jahre 1866*, in seinen Ursachen, seinem Verlauf und seinen nächsten Folgen. Dargestellt von Wolfgang Menzel. In 2 Bänden.—Stuttgart.

7) *Der Feldzug von 1866 in Deutschland*. Redigirt von den kriegeschichtlichen Abtheilung des Grossen Generalstabes. Erstes Heft.—Berlin.

8) *Oesterreichs Kämpfe im Jahre 1866*. Nach Feldacten bearbeitet durch das K. K. General-stabs-bureau für Kriegsgeschichs. Двѣ части. 1867. (*)

9) *Militairisch-statistische Notizen zum Studium des Feldzugs von 1866 in Böhmen und Mähren*. Von Brix Förster, Oberlieutenant im königlich bayerschen Infanterie-Regiment Kronprinz.—München.

10) *La Guerra italo-prussiana contro l'Austria nel 1866*, narratu da un ufficiale italiano. Minotto.—Venezia.

11) *La Guerra in Italia nel 1866; l'esercito, la flotta e i volontari italiani*. Studio militari d'un vecchio soldato. — Milano.

12) *Storia della guerra italo-prussiana contro l'impero d'Austria nel 1866*. Con carta geografico. La Cecilia.—Napoli.

(*) Оба сочиненія: 7) и 8), переведены на французскій языкъ и издавы въ Парижѣ.

13) *Considerazioni strategiche sulla campagna d'Italia del 1866*. Pateras.—Napoli.

14) *La campagna del 1866 in Italia*. Con 1 carta de teatro della guerra e 4 piani topographici.—Torino.

15) *Geschichte des Feldzugs 1866 in Italien*. — A. Hold.—Wien.

16) *Short sketsch of the campaign in Austria in 1866*. — R. E. Coath. Lieut. Colonel.—London.

17) *Etude sur la guerre d'Allemagne de 1866*.—Ch. Fay.—Paris.

18) *A political and military review of the austro-italian war of 1866*; with an account of the Garibaldian expedition to the Tyrol.—W. J. Wyath.—London.

19) *La guerre du Mexique, 1862—1866*. Journal de marche du 3 Chasseur d'Afrique.—A. Laurent.—Paris.

20) *Etats-Unis d'Amérique. Historie de la guerre civile américaine 1860—1865*. 2 Vols. Avec gravures et cartes. L. Cor-tambert et F. de Tranaltos —Paris.

21) *History of the american civil war*. 3 vols.—J. W. Draper.—London.

б) Такмическія.

1) *Die Feldherrnkunst des XIX Jahrhunderts*. Zum Selbststudium und für den Unterricht an höheren Militärschulen, bearbeitet von W. Rüstow, Ober-Brigadier. Zweite umgearbeitete und bis Ende 1866 fortgeführte Auflage.

2) *Allgemeine Taktik mit erläuternden Beispielen*, Zeichnungen und Plänen. W. Rüstow.

3) *Die Taktik*, v. J. Waldstätten.—Wien.

4) *Der Eisenbahnkrieg*. Taktische Studie von J. E. Lassmann.—Berlin.

5) *Taktik* nach der für die könig. preus. Kriegsschulen vorgeschrieben „genetischen Skizze“ zum Gebrauch für die preus. und norddeutschen Kriegsschulen ausgearbeitet von H. Perisonius.—Berlin.

6) *Die Ausbildung* des preussischen Infanterie-Bataillons im praktischen Dienst. Von v. Kessel. Mit Holzschnitten in Texte und 2 Planen.—Berlin.

7) *Der Dienst des preussischen Infanterie-Unter-officiers*. Von F. G. Graf v. Waldersee:—Berlin.

8) *Leitfaden* für den Cavalleristen bei seinem Verhalten in

und ausser dem Dienst. Zum Gebrauch in den Instructions-Stunden und zur Selbstbelehrung. Zusammengestellt und bearbeitet durch v. Mirus. — Berlin.

9) *Éléments de la tactique* aller Waffen für Officier-Aspiranten und Subaltern-Officiere von K. G. v. Berneck. Mit 39 in den Text eingedruckten Holzschnitten. — Berlin.

10) *Geschichte der Kriegskunst* für Militair-Akademien und Officiere aller Grade von K. G. v. Berneck. — Berlin.

11) *A treatise on the tactical use of the three arms* Infantry, Artillery and Cavalry. By Francis J. Lippitt, ex-colonel second Infantry, California Volunteers. — New-York.

12) *The twelve decisive battles of the war*. W. Swinton. — New-York.

13) *L'Artillerie de combat et l'artillerie de parade*, par un ancien élève de l'école polytechnique. — Paris.

14) *Ueber Felddienst-Uebungen der Reiterei*. — Dresden.

15) *Pferd und Reiter oder die Reitkunst in ihrem ganzen Umfange*, von Theodor Heinze, Stallmeister. Mit ueber 100 in den Text gedruckten Illustrationen und einem Titelbilde. — Leipzig.

в) *По администраци, военной статистикѣ и проч.*

1) *Les institutions militaires de la France*, par M. le duc d'Aumale.

2) *L'armée française en 1867* (17 édition). Trochu. — Paris.

3) *Un mot sur le projet de réorganisation de l'armée*. Le général Changarnier. — Paris.

4) *La vérité sur l'armée française*, par d'Azemar. — Paris.

5) *La réorganisation de l'armée et des défenses de la France*. Le Marquis de Courvol. — Strassburg.

6) *Des réformes militaires en 1867*. M. Paixhans. — Paris.

7) *De la réorganisation militaire en France*. Tr. de Marone. — Paris.

8) *Études sur l'organisation des armées et particulièrement de l'armée Belge*. A. Brialmont. — Brussel.

9) *Dictionnaire de législation et d'administration militaires*. V. Saussine. — Strassburg.

10) *Conférences de droit pénal et d'instruction criminelle militaires*, ou explication théoretique adjudant-major d'infanterie. 2 vol. — Paris.

11) *La neutralité des militaires blessés et du service de santé de armées.* G. Magnier.—Paris.

12) *Les institutions sanitaires pendant le conflit austro-prussien-italien,* suivi d'un essai sur les voitures d'ambulance etc. Th. Evans.—Paris.

13) *Bestimmungen ueber Militair-Transporte auf Eisenbahnen.*—Berlin.

14) *Das Lager von Krasnoe Selo im Vergleich mit dem von Chalons.* Militair-ärztliche Studie von Dr. Oscar Heyfelder.—Berlin.

15) *Der Kaukasus.* Eine naturhistorische, so vie Land- und Volks-wirthschaftliche Studie von A. Petzholdt. 2 Bde. 1867—1868.

16) *Statistica del Regno d'Italia.* Instituti industriali e professionali e scuole militari e di marina militare.—Firenze.

17) *Beschreibung des Vilajet Bosnien,* das ist das eigentliche Bosnien nebst türkisch Croatien, der Hercegovina und Rascien von G. Thoemmel.—Wien. 1867.

18) *Iacut-s Geographisches Wörterbuch.* Herausgegeben von F. Wüstenfeld. 2 Bde.—Leipzig. 1867.